МЕЧТА

свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звёзд. С зенита до горизонта двоился ещё неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю…. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звёздною… Алёша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю. Он не знал, для чего обнимал её, он не давал себе отчёта, почему ему так неудержимо хотелось целовать её, целовать её всю, но он целовал её плача, рыдая и обливая своими слезами, и исступлённо клялся любить её, любить во веки веков… Он плакал в восторге своём даже и об этих звёздах, которые сияли ему из бездны, и "не стыдился исступления сего". Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, "соприкасаясь мирам иным". Простить хотелось ему всех и за всё и просить прощения, о! не себе, а за всех, за всё и за вся, а "за меня и другие просят", — прозвенело опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твёрдое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твёрдым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга".

Плач Алёши Карамазова — Русская Мечта. Это плач обретения веры, когда все вокруг хотели доказательства: ждали от тела почившего старца благоухания, а ощутили смрад и уныли духом. Плач Алёши — плач великого счастья, великой свободы, когда душа не требует сотворения чуда, сошествия Распятого с креста. На такую свободу, такую веру откликается всё мироздание, от неё ликует каждая былинка. Такая вера рождает ту драгоценную красоту, что спасёт мир, своей преображающей силой искоренит в нём зло.

"Непротивление злу насилием" — мечта Льва Толстого. Зло будет одолено не "дубиной народной войны", а "текучестью человека", что уподобится реке, уходящей в небеса. Душа будет возрастать, будет трудиться, преодолевать в мире противоречия между человеком и человеком, народом и народом, мужчиной и женщиной, любовью и нелюбовью, идеей и идеей. Противоречия копятся в мире, словно яды. Болезненные нарывы время от времени вскрываются и оборачиваются войнами, смертями, неутешным горем. Возрастающая душа, по Толстому, способна "сопрягать", находить точки единения, образы непротиворечия. Небо Аустерлица, увиденное раненым Болконским, — такой образ: "Над ним не было ничего уже, кроме неба, — высокого неба, не ясного, но всё-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нём серыми облаками. "Как тихо, спокойно и торжественно… — подумал князь Андрей, — Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! всё пустое, всё обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!.." Никакие противоборства не достигли небес, всё земное осталось земле. Небо — абсолютная гармония, в нём "эта красота мира Божия, данная для блага всех существ, — красота, располагающая к миру".

Рубеж XIX-XX веков — время особо острого противоречия между человеком и временем. Человек попадает в паутину дней, где не распознать ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Вытягиваешь из этой паутины нить, надеешься, что она приведёт тебя в грядущее, — а оказываешься в минувшем. Хочешь вспомнить о былом — а попадаешь в безвременье. Мечта русской литературы в этот период — о том, чтобы человек жил в ладу со временем.

Мечта Чехова — мечта о минувшем, о вишнёвом саде, куда можно вернуться, возродив в действительности всё однажды пережитое. Мечта о том, что сад не будет вырублен, что стук топоров лишь померещился, ведь нельзя уничтожить память. Но время сильнее памяти. Память может разминуться с жизнью, если человек не успевает за временем.

Сродни чеховской мечте о вишнёвом саде бунинская мечта об антоновских яблоках. Душистый аромат повеет из прошлого, настигнет даже на чужбине, но их уже не осязать, их уже не вкусить, как молодильные яблоки в сказочном саду, и не стать юным, не обрести вновь лёгкого дыхания. Но заветная мечта Бунина — мечта о грядущем, мечта о чистом понедельнике. Чистый понедельник — преобразившийся мир, где есть что-то большее, чем любовь земная, отчаяние после расставания, где взор той, что облачилась в монашеские одежды, источает небывалое счастье и несёт о нём весть всем живущим.

Мечта Куприна — тоже о счастье. Оно заложено в мир, припасено, как драгоценность, но ему не суждено сбыться ни в настоящем, ни в будущем. Это счастье прошло параллельно жизни, в каком-то ином её измерении, в другом её сценарии. Гранатовый браслет — свидетельство о счастье, случайно попавшее в реальность из непрожитой жизни. Гранатовый браслет — мечта о том, что параллельные однажды пересекутся, и счастье случится.

Мечта всегда влечёт за собой поэтов. Взлёт мечты — это взлёт поэзии. Оттого Серебряный век в вершинных стихах вершинных авторов — эпоха не "упадка", а мечты "без конца и без краю". Не случайно основные течения Серебряного века несут идею восхождения, движения вперёд, поиска смыслов. Футуризм устремляется в будущее, акмеизм покоряет поэтические вершины, символизм сосредотачивает опыт всей мировой культуры, чтобы открыть новые дороги для мечты. Ей скучны "проложенные и мерные" земные пути, "мечта мечту в душе торопит". Мечты поэтов воспаряют, уподобляясь орлам, "кричащим в лазури".

Прекрасная Дама Александра Блока — не просто возлюбленная, не только муза, это "вечная женственность", в которой живёт и верность жены, и забота матери, и пламень сердца, и кроткое благоговение. От века к веку русская словесность собирала мозаику вечной женственности: Василиса Премудрая и Ярославна, бедная Лиза Карамзина и Светлана Жуковского, пушкинские Татьяна Ларина и Маша Миронова, Ася Тургенева и русские женщины Некрасова. Блок будто сконцентрировал все эти образы, облёк их в "ризы величавой Вечной Жены". "Девушка пела в церковном хоре" — и мир обретал надежду, ковчег спасения из житейской бури выходил к тихой пристани. "Дыша духами и туманами", садилась у окна Незнакомка — и зримая красота овеивалась тайной; то, что было так близко, становилось недостижимо; что было таким желанным — озарялось целомудрием. Россия останавливала на поэте смиренный "взор из-под платка" — и верилось, что всё превозмогаемо, что "дорога долгая легка", что впереди ещё "годы золотые".

Николай Гумилёв — самый имперский поэт своего века, певец могучей державы — возмечтал о "солнце духа": о великой работе, о служении, о подвиге, о мире, где воскреснут "увянувшие розы" и оживут "мёртвые соловьи", где вновь расточится благоухание и раздастся дивное пение. Поэт "песней битв" любовно зачаровывает мечту. "Вековая, святая мечта" — Победа, которую "так сладко рядить, словно девушку, в жемчуга". Поэт-победитель — "носитель мысли великой", потому он не может умереть, потому мечта бережёт поэта. Добытое им знание не утратится: через особое "шестое чувство" всё невысказанное, недосказанное воспарит на горные хребты, чтобы стать вдохновением, откровением для новых поэтов. Вдохновение и есть шестое чувство. Шестое чувство и есть мечта.

"Председатель земного шара" Велимир Хлебников жил неуёмной мечтой о словотворчестве. Нужно перешагнуть во времени через собственный век, через век Золотой, через века всех былых языкотворцев, чтобы пробиться к фольклору, взять с собой вещих Боянов на "пароход современности". Драгоценный фольклор, где корни только-только обрастают суффиксами и префиксами, где смыслы ещё не размылись оттенками значений. В нём всё кажется названным точно и ёмко, своими именами. Очищенный корень слова, оголённый нерв смысла — мечта Хлебникова. Мечта о возврате к началу языка, к праязыку, чтобы пойти иными путями, чтобы родить новые словари новых слов, которых так не хватает для выражения поэтической мысли: "усмей, осмей, смешики, смеюнчики". Но сколько ни "заклинай смехом", корень всё равно не в силах давать бесконечные отростки, а значит, от словотворчества надо переходить к корнетворчеству. Привычное значение со слова снято, форма его разрушена, осталось только посягнуть на звук. Так в мечтах Хлебникова рождается "заумь": "бобэоби… вээоми… пиээо… лиэээй… гзи-гзи-гзэо…". Это — не мудрование, не игра, не профанация, не заумности. Это — стремление превратить слова из рабов значений, вместилищ смысла в творцов идей. Слово должно стать первично, оно будет определять суть явлений, устроение мира.

Маяковский, в пору юности — футуристический единомышленник Хлебникова, напротив, старался даровать слову прочнейшую материю, чтобы его хватило на столетия, чтобы оно смогло "трудом громаду лет прорвать". Неветшающее слово-металл — мечта Маяковского. Слово, что добывается, будто радий, из недр бытия. Слово-ратник, облачённое в доспехи, "полководец человечьей силы". Из такого слова рождаются весомые и зримые стихи, что "готовы к бессмертной славе". Из таких стихов слагаются поэмы, подобные артиллерийским орудиям. Каждый залп — град идей, разрушающих всё помертвелое, пошлое, банальное, лукавое. Несокрушимое слово заставляет по-иному идти часы русской поэзии, рождает такие сплавы смыслов, такую взрывную волну, что новая эра неминуема. "Я знаю силу слов, я знаю слов набат…" — протрубит поэт-рудокоп, поэт-сталевар, поэт-артиллерист — и строка оборвётся, потому что слово уже умчится в грядущее.

Слово Есенина — тоже металл, но не тяжёлый, не сплав, не свинец и не чугун, а драгоценное золото высочайшей пробы. "Золото волос", "золотая дремотная Азия", "роща золотая", "золото холодное луны", "солнца луч золотой", "золотые далёкие дали", "снов золотых сума", "золотая бревенчатая изба". Из всего этого Есенин сотворил золотые ключи — "ключи Марии", ключи души. Тот, кто ими владеет, ведает великую тайну чистоты и святости. Поэт должен сделать всё, чтобы ключи не достались "чёрному человеку", чтобы святыня души не была поругана. Душа у Есенина — это Родина. Завет "ищи Родину" означает "ищи душу": ищи в себе живую струну, которая не ослабнет и не лопнет, не даст фальшивой ноты, а родит пронзительный звук, способный коснуться небес. Есенин искал Родину во многом, берёг её в "Руси бесприютной" и в "Руси уходящей", обретал в "Руси советской": "Мать моя — Родина, я — большевик". Но поэт-"большевик", охваченный "музыкой революции", — ещё и старообрядец. В его руках и красное знамя новой эпохи, и расшитый рушник, где предки в замысловатом орнамете донесли весть о встрече земли с небом. Поэт был убеждён, что если хочешь сотворить новую мечту, то непременно должен сберечь старую, которая прошла через века, которая, словно конёк на крыше деревенского дома, вытянула за собой целый мир. И без этого мира светлого грядущего не построишь. Не преобразишь всего человечества, если не сбережёшь собственную душу, если потеряешь ключи от неё. Старообрядчество Есенина — в готовности пострадать за самое сокровенное, уйти в затвор, отречься от земных радостей, сжечь самого себя, только бы сохранить Родину: ту, что каждому "вольёт в грудь теплынь". Есенин — последний охранитель патриархальной России, "последний поэт деревни", которую он отбивает от "каменных рук шоссе", где среди "стальной конницы" ещё хочет видеть "живых коней". И когда есть эта деревенская Родина, уже "не надо Рая" — ведь она и есть Рай, потому что там живёт душа и звучит Божьей дудкой.

Такое сочетание тонкой души и прочной материи, в которую она облачена, золота Есенина и свинца Маяковского — рождает новый тип человека, новый тип героя, определившего путь советской литературы. Это "светлые души", закалённые, как сталь. Люди, "за годы сделавшие дела столетий", готовые принести себя в жертву ради справедливости.

Горьковский Данко — предвестник таких героев. Его сердце дарует свет даже в полной тьме. Это "угль, пылающий огнём", однажды водвинутый в "отверстую грудь" шестикрылым Серафимом. И пусть коварный "осторожный человек", уже выбравшись из чёрного леса, растоптал сердце Данко, но оно, как и капли крови Сокола, однажды вновь "вспыхнет во мраке жизни и много смелых сердец зажжёт безумной жаждой свободы, света".

Павка Корчагин, что "посвятил себя борьбе за всё человечество", даже ослепший — мечтает вернуться в строй, продолжить бой книгой о бое, сделать слово оружием, равным по силе штыку. Грезит о том, что с утратой зрения не наступит тьма, а всё пережитое явится в сознании в свете алой зари.

Сокровенные люди Платонова одухотворяют материю, превращают механизм в живой организм, меняют ландшафты, разбивают сады посреди пустынь, высвобождают из земных недр море, создают из бесформенных оврагов котлованы, откуда разрастутся "города всеобщего благоденствия". Труд сокровенных людей не противоречит природе, а только врачует её, мысль человека делает природу более жизнестойкой и плодородной. В творчестве Платонова, как в народных сказках, живёт мечта о преодолении смерти как самой страшной несправедливости. И если облагородить мир, как Чевенгур, создать земной рай, то для смерти не останется места, она будет вытеснена, как эпидемия, от которой нашли вакцину. И каждая гибель во имя такой грядущей жизни есть шаг к бессмертию. И во всех героях — молодость, неодолимая сила духа, небывалая мощь таланта.

Только в такую пору был возможен Шолохов, юношей написавший "Тихий Дон". Если осознаешь скорость взросления, мужания в советское время, — никогда не усомнишься в том, кто автор грандиозной эпопеи. Наш человек на такое способен. Ранний гений — извечная Русская Мечта, которая воплощается в разные столетия, как Лермонтов, уже в тринадцать лет написавший свои первые поэмы.

Советскую литературу создавали мечтатели, именно поэтому она не выпадает из всей предшествующей русской словесности, не противопоставляется ей, а продолжает её на новом витке, на новой высоте. Кажется, что русское слово никогда не было так близко к воплощению мечты, к её изъяснению. Грезилось, что к солнцу мечты можно подлететь вплотную, рассмотреть его, не ослепнув, омыться его светом, не опалившись.

Не померкло это солнце и во время Великой Отечественной войны. Воссияло с ещё большей силой. Советский человек и литературные герои, им рождённые, сами стали солнцем. Солнцем Правды, рассеивающим адову тьму. Пророческими оказались слова Гоголя о Пушкине как о "русском человеке в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет". И он явился в Краснодоне, в Сталинграде и на Курской дуге. Он оборонял Брестскую крепость и Дом Павлова, форсировал Днепр и брал Берлин. Не случайно первой книгой, изданной в Ленинграде после снятия блокады, была "Капитанская дочка" — роман о чести, которую должно сберечь смолоду, чтобы спасти свою душу и чтобы тысячи вокруг тебя спаслись. Герои войны озарены пушкинской мечтой о непоругаемой чести, их сердца всегда оставались "для чести живы". Оттого силы и терпение были неистощимы, оттого единица в бою в одночасье становилась равна миллиону, оттого дух оставался сильнее материи.

Роман о молодогвардейцах Фадеев писал, как житие мучеников за веру. В общий строй бессмертного полка с ними встал Алексей Маресьев, который, лишившись ног, не лишился крыльев, сберёг мечту о небе, не позволил там летать вражеским ястребам, сохранил небеса для белого голубя, парящего Святым Духом над Россией. Егор Дрёмов — обезображенный в танковом бою, но не утративший красоты русского характера. Доблестный, самоотверженный, чуткий и трепетный. "Бог войны" и бог мира, где с Победой восторжествует счастье и любовь. Христоподобный Сотников, взошедший на Голгофу, не предавший своих святынь, не отрёкшийся от них. Он ещё посреди белорусских лесов нанёс врагу мощнейший удар. Шаг Сотникова на эшафот — первый шаг нашей победной поступи, ведь враг уже тогда оторопел, дрогнул, столкнувшись с невиданным мужеством.

Герои Виктора Некрасова, Юрия Бондарева, Константина Воробьёва, Владимира Богомолова, Григория Бакланова, Евгения Носова, Владимира Карпова, рождённые и по горячим следам, и через десятилетия после войны, открыли силами литературы второй фронт — фронт исторической памяти, духовной обороны, так необходимый теперь, когда пытаются победить нашу Победу, оболгать и обесценить её, приписать кому угодно, только бы отнять у народа небесной мечты. Но живое свидетельство о праведном бое, облачённое в прекрасные одежды русского слова, всегда сильнее любой лжи.

Человек, прошедший войну, одолевший смерть, никогда не утратит смысл жизни. Герой, достойный Победы, бьётся "не ради славы", а "ради жизни на земле". И среди ужасов войны важно не упустить ощущение жизни. Русский солдат хранит в кармане гимнастёрки письмо или фотографию из дома. Он пробуждает жизнь, пробежавшись пальцами по трехрядке. Он чинит в доме стариков остановившиеся часы, будто снова запускает время жизни. Он может всё, он и плотник, и печник, он поднимет мир из пепла, сделает так, чтобы счастью в этом отстроенном мире было уютно.

Таков Василий Тёркин Александра Твардовского. Мечтатель, живущий в каждом фронтовике, в каждом русском человеке. Его прототипом стал весь народ. Твардовский воплотил в своём герое нашу неизъяснимую суть, что-то самое сокровенное. Потомкам ветеранов хочется не утратить в себе Тёркина, хочется мыслить, говорить, действовать, как Тёркин.

Не случайно Бунин, человек запредельной требовательности в литературе, — так высоко оценил поэму: "Какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всём и какой необыкновенный народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова". "Василием Тёркиным" Твардовский преодолел преграду между советской и эмигрантской лирой. Доказал, что талантливое русское слово таких разделений не знает, для него основное мерило — талант. Поверх любых исторических барьеров, оно неминуемо воссоединит литературную стихию, осенит её единой мечтой.

Твардовский "книгой про бойца" поднял советскую поэзию на пушкинскую высоту, начал новый поэтический век, сопоставимый с Золотым и Серебряным. Твардовский разогнал локомотив поэзии, дал ему настолько мощный импульс вдохновения, что во второй половине XX века мы, казалось, могли говорить стихами. У каждого поэта военного и послевоенного поколения — своя грёза, из которой, как из родника, могут утолять творческую жажду потомки.

Мечта Бориса Слуцкого о том, что каждый поэт станет "свидетелем первого века", постигнет тайну сотворения мира, исправит ошибки, накопившиеся за тысячелетия: "Первый век. Всё сначала. Первый век. Всё впервые. О, какие воспоминанья живые О тебе, первый век". Николай Тряпкин, мечтавший о "времени высоты", в котором после Победы будет жить человек: "Наше право — бессмертье. Наш символ погоды — лазурь". Анатолий Передреев, в чьих стихах живёт идея "вечного материнства", когда всё на свете откликается человеку с заботой и теплотой — "Равнина. Родина. Земля…" Юрий Кузнецов, надеявшийся однажды преодолеть "безотцовство", встретиться с отцом, погибшим в первые годы войны. Он вымаливает отца у всего мироздания, ищет его след на всех путях земных, он поднимает отцовскую тень из мглы братской могилы и ведёт к родному порогу:

— Россия-мать, Россия-мать, —
Доныне сын твердит, —
Иди хозяина встречать,
Он под окном стоит.

"Ночная звезда" Николая Рубцова. Под ней он будет мастерить ветхую лодку, утлый чёлн, на котором поплывёт в сторону "холмов задремавшей отчизны", к берегам деревни, что покажется "чем-то самым святым на земле".

Святыню деревни, следуя есенинскому завету о ключах души, станут оберегать Белов, Шукшин, Распутин. Их антиурбанизм заключался не в отрицании прогресса, машинерии — такие "грани меж городом и селом" их не терзали. Страшным казалось, что в городе все разъединяются, всё расщепляется, противопоставляется: дети и родители, ремесло и творчество, реальность и память, земля и небо. В городе не обрести благодати, не найти лад. Здесь всё разладилось, всё подверглось обмену, продаже, сговору с совестью. В городе невозможен Иван Африканович, с его смирением, "привычным делом", размеренным ходом жизни. Невозможны шукшинские мужики, никогда не отчаивающиеся, не унывающие. В городе, где не видно горизонта, где тесно от одиночества, "чистые души" смурнеют. Потому Шукшин устами Разина говорит: "Я пришёл дать вам волю". Ведь воля — пространство для мечты, тот самый потерянный горизонт. Но Разин запоздал.

Валентин Распутин первым осознал, что мечта уходит и из деревни, а значит — окончательно из всей русской жизни. Героини "Прощания с Матёрой" признаются, что мечтать уже поздно, что юность мечты прошла, что наступивший предзакатный возраст не знает чарующих снов. А ведь мечта — замковый камень, без которого всё рушится, всё горит и тонет. Матёра — дом, где когда-то жила мечта. В имени острова и "мать", и "материк", что теперь уходит под воду. Но для Распутина это — не Атлантида, сгинувшая навсегда, а град Китеж, затаившийся в глубоких водах. Быть может, Матёра всё же сохранила мечту, сберегла её от разуверившихся душ. Но придёт время — и души по мечте затоскуют, взмолятся о ней — и затопленный остров всплывёт, разливая вокруг свет преображения.

Но до этого предстояло пережить время глумления над мечтой, осквернения святынь, поругания героев. Чужеродный русскому сердцу и уму постмодернизм стремился отравить всё ядом иронии, обратить всё в симулякр, когда литература превращается в игру, творчество — в эпатаж и провокацию. Постмодернизм смешивал традиции, образы, стили, цитаты, чтобы превратить всё в абсурд. Сталкивал противоборствующие смыслы, чтобы они пожрали, обесценили друг друга. Постмодернизм пытался оставить от Пушкина только "сукиного сына", спрятать Толстого под условным t, куда можно подставлять величины, стремящиеся к нулю. Тот, кто пробовал найти в постмодернизме мечту, наталкивался на пустоту: снимаешь с персонажа маску — а под ней грим, смываешь грим — а под гримом чёрная дыра бессмыслицы.

Русское слово не могло долго жить в таком состоянии. Оно готово было умолкнуть навсегда, сделать нас безъязыкими, оставить нам для изъяснения только жесты и цифры. Но появилась спасительная, светоносная книга о. Тихона (Шевкунова) "Несвятые святые". Она родилась не из филологических фокусов, не из постструктуралистских концепций, а из жизненного пути, опыта духовного возрастания. О монашестве здесь написано таким языком, каким Гончаров рассказывал нам сон Обломова, каким Лесков повествовал об очарованном страннике, а Шмелёв о Валааме: "Всё на нашей земле: простое и сложное, маленькие человеческие проблемы и нахождение великого пути к Богу, тайны нынешнего и будущего века — всё разрешается лишь загадочным, непостижимо прекрасным и могущественным смирением. И даже если мы не понимаем его правды и смысла, если оказываемся к этому таинственному и всесильному смирению неспособными, оно само смиренно приоткрывается нам через тех удивительных людей, которые могут его вместить". В "Несвятых святых" русское слово укрылось от скверны, как укрывались наши предки за высокими стенами монастыря во время набегов разрушителей. Слову в этой книге стало уютно, всё в ней оказалось родным: вера, природа, Родина. Слово затеплило лампаду мечты. Эту воскресшую мечту изъяснил духовник о. Тихона (Шевкунова) старец Иоанн (Крестьянкин): "Россия, будь такой, какой ты нужна Христу".

Этой мечте созвучно творчество Александра Проханова. Он — главный мечтатель нашего времени. Весь его творческий путь через деревенскую, городскую, военную прозу, через романы о неугасимой Империи — это поиск мечты, поиск метафор и образов для неё. Колокольня в окне родительского дома. Пернатое зёрнышко, на миг опустившееся на ладонь. Кочующая роза — комнатный цветок, сбережённый в поездках по северным городам. Дерево, распустившееся среди зимы в разрушенном Грозном. Крым, о присоединении которого грезит вся русская жизнь. В этих образах мечта приоткрывает свой лик, но остаётся неуловимой. Проханов всеми силами созидает дом Русской Мечты, желая, чтобы она никогда не покидала Отечества. Храм, окоп, космодром, завод, берёзовая роща — писатель готов оказаться всюду, где мечта вьёт гнездо. Каждую новую книгу Проханов пишет как портрет мечты, надеется, что русская литература станет литературой не прагматиков, циников и гедонистов, а мечтателей, которые не отрекутся от тысячелетнего опыта, а примут от предшественников золото, серебро, самоцветы родного слова.

Мечта определит в современном творчестве всё. Только она позволит русскому языку остаться русским. Будет мечта — будут новые направления и течения, будет продуктивная борьба эстетик, содержательные творческие споры, возникнут критические школы, появятся глубокие идеи и самобытные стили. Благодаря мечте жизнь органично перетечёт в искусство, искусство станет естеством, и художник начнёт творить, а не вытворять. Мечта всегда шла впереди слова. Путь литературы проложен мечтой. Возмечтаем, доверимся мечте — и не собьёмся с пути.

Оборона Севастополя (1942). Художник Александр ДЕЙНЕКА

— КРАСНЫЙ!

мечты

Мать (1913). Художник Кузьма ПЕТРОВ-ВОДКИН

Купание красного коня (1912). Художник Кузьма ПЕТРОВ-ВОДКИН

остриё своего копья в чёрный зев каракатицы". То есть юноша с картины Петрова-Водкина — это аллегорическое изображения Георгия Победоносца. Канонические линии Святого Георгия — одного из покровителей Руси — всегда наполнены красным сиянием.

Петров-Водкин, по сути, явился автором прогрессивной концепции в иконописи. Так, его картина 1915 года "Богоматерь Умиление злых сердец" нарочито архаична и — сверхсовременна, созвучна изломанной, плачущей мелодике 1910-х. Кровавых-десятых, принесших смерть и — долгожданную свободу, уничтожение традиций и — рождение новых замыслов. XX век рождался в муках, под пение "Интернационала", под сенью алых знамён. Богоматерь Умиление, тоже в красном, — будто предрекает исторический путь России. Продолжила тему "Петроградская Мадонна", в которой много от ренессансной тематики, от фресок эпохи треченто. Видится Флоренция, а не мятежный град Петра в 1918 году. Мадонна же — пролетарка, а не сеньора — воплощение мудрости и спокойного миросозерцания. Что ей наэлектризованная толпа и листовки в подворотнях? Её вселенная — ребёнок. Оттого и фигурки людей кажутся ничтожными рядом с величием жены-матери. На плечи ей накинут не покров, но красный флаг. Тот самый. Она — вся в будущем. Её сын — спаситель мира. Ведает ли она, что именно мальчики, рождённые Революцией, победят в самой безумной и чудовищной войне? Следующий этап, "Девушка в красном платке", это уже середина 1920-х, а косынка — знак политически-грамотной работницы, отвергающей и нэпманские шляпки фасона cloche, и деревенский "плат узорный до бровей" — этот символ уходящей России, подчёркнутый Александром Блоком. Здесь та же стилистика раннего Возрождения и взгляд у девушки — не прямой, на зрителя, а как бы "вглубь себя", а точнее — в Вечность.

Во всех образах — возвышенное богоискательство соединено с обыденностью сюжетов. Макрокосм равен микрокосму, а "Купание красного коня" — бытовая зарисовка из жизни крестьянских мальчиков или молодых офицеров. В этом единении простого и сложного таится русская философия. Русская Мечта. Красный конь — знак русской судьбы: всегда лететь вперёд, покоряя пространство и время. Или — грезить, как Марина Цветаева: "Доколе меня / Не умчит в лазурь / На красном коне — / Мой Гений!"

Галина ИВАНКИНА

Давайте внимательнее всмотримся в эти две известнейшие картины знаменитого русского художника — и мы, возможно, увидим, что Кузьма Сергеевич Петров-Водкин, осознанно или нет, создал уникальный диптих: они оказываются теснейшим образом связаны между собой не только по времени написания, но и по колористике, по графике и по художественному смыслу. Силуэт матери, кормящей ребёнка, и силуэт красного коня, оседланного юношей, — почти повторяют друг друга, выступая "вмещающим ландшафтом" для центральной мужской фигуры, написанной в сходной позе.

Невольно возникает ощущение, что младенец, приникший к матери, и юноша, купающий красного коня, — один и тот же человек, образы которого разделяют полтора-два десятка лет его жизни, а река, изображённая на заднем плане картины "Мать", и водоём "Красного коня.."объединены одной и той же стихией подвижного времени. Вверх или вниз по его течению дошёл этот юноша? Его друзья на лошадях иной, не красной масти — движутся против часовой стрелки…

Владимир ВИННИКОВ